

МРНТИ 05.41.17

<https://doi.org/10.26577/JOS202611725>**М.Г. Шолахов**

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
e-mail: muri777@mail.ru

КОЛОНИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И СОПРОТИВЛЕНИЕ СТЕПИ: ЖАНГИР-ХАН И ШАХИН ГИРЕЙ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ РЕФОРМ ЯПОНИИ, КИТАЯ И КОРЕИ

Цель статьи – выявить специфику и пределы модернизационных программ последнего крымского хана Шахин-Гирея и Жангир-хана Внутренней (Бөкей) Орды через их сопоставление с модернизационными курсами эпохи Мэйдзи в Японии, Движением самоусиления в Китае и реформами в Корее (Кабо, Кванму). На основе сравнительно-исторического анализа показано, что при внешнем сходстве риторики «обновления» и «просвещения» реформы степных правителей реализовывались в принципиально иных условиях ограниченного суверенитета и колониального давления. Для Японии модернизация выступала инструментом укрепления самостоятельной державы, тогда как Шахин-Гирей и Жангир-хан вынужденно проводили «колониальную модернизацию», встроенную в рамки османской и российской имперских систем и ограниченную зависимым статусом их владений. Особое внимание уделяется социальной базе реформ, структуре элитной поддержки и причинам сопротивления – от ногайско-татарской знати и крымского населения до казахских восстаний против Жангира. Цель исследования – выявить особенности и ограничения «колониальной модернизации» в степном пространстве и формы социально-политического сопротивления на основе сравнительного анализа реформ Жангир-хана и Шахин-Гирея с модернизационными процессами в Японии, Китае и Корее. Практическая значимость исследования состоит в уточнении сравнительных критериев анализа «поздневосточных» модернизаций, что может быть использовано при разработке учебных курсов по истории реформ и колониальных трансформаций, а также при подготовке обобщающих работ по истории Крымского ханства, Казахской степи и Восточной Азии. Делается вывод, что реформы степных правителей представляли собой не «несостоявшуюся копию» восточноазиатских модернизаций, а специфическую стратегию выживания и адаптации к имперскому порядку, требующую пересмотра бинарных схем «успешной» и «неуспешной» модернизации.

Ключевые слова: Жангир-хан, Букеевская Орда, казахская степь, Исатай Тайманұлы, Махамбет Өтемісұлы, реформы, эпоха Мэйдзи.

M.G. Sholakhov

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan
e-mail: muri777@mail.ru

Colonial Modernization and Steppe Resistance: Jangir Khan and Şahin Giray in a Comparative Perspective on Reforms in Japan, China, and Korea

The aim of this article is to identify the specific features and limits of the reform programs of Şahin Giray, the last Crimean khan, and Jangir Khan of the Inner (Bökey) Horde by comparing them with the modernization trajectories of Meiji Japan, China's Self-Strengthening Movement, and Korea's reforms (Gabo and Gwangmu). Using a comparative historical approach, the article demonstrates that, despite a shared rhetoric of "renewal" and "enlightenment," steppe reforms unfolded under fundamentally different conditions of constrained sovereignty and colonial pressure. Whereas in Japan modernization functioned as a strategy for strengthening an independent state, Şahin Giray and Jangir Khan were compelled to pursue a form of "colonial modernization," embedded within Ottoman and Russian imperial frameworks and limited by the dependent status of their polities. Particular attention is paid to the social bases of reform, patterns of elite support, and sources of resistance – from Nogai-Tatar elites and Crimean society to Kazakh uprisings against Jangir Khan. The aim of the study is to identify the features and limitations of "colonial modernization" in the steppe, as well as the forms of socio-political resistance, through a comparative analysis of the reforms of Jangir Khan and Şahin Giray alongside modernization processes in Japan, China, and Korea. The practical significance of the study lies in refining comparative criteria for analyzing "late Eastern" modernizations; the findings may be used in designing university

courses on reform and colonial transformation and in preparing synthetic studies on the histories of the Crimean Khanate, the Kazakh steppe, and East Asia. The article concludes that steppe reforms were not a “failed copy” of East Asian modernizations but a distinctive strategy of survival and adaptation within an imperial order, requiring a reassessment of binary notions of “successful” versus “unsuccessful” modernization.

Keywords: Zhangir Khan, Bukey Horde, Kazakh steppe, Isatay Taymanuly, Makhambet Otemisuly, reforms, Meiji era.

М.Г. Шолахов

А.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан
e-mail: muri777@mail.ru

Отарлық модернизация және дала қарсылығы: Жәңгір хан мен Шахин Гирей Жапония, Қытай және Корея реформаларымен салыстыру

Мақаланың мақсаты – Қырым хандығының соңғы ханы Шахин-Гирей мен Ішкі (Бөкей) Орда ханы Жәңгірдің жаңғырту бағдарламаларының ерекшеліктері мен шектеулерін Жапониядағы Мэйдзи дәуірі, Қытайдағы «Өзін-өзі күшейту» қозғалысы және Кореядағы (Кабо, Кванму) реформалармен салыстырмалы-тарихи талдау негізінде айқындау. Зерттеу нәтижелері «жаңару» мен «ағарту» ұғымдарының сыртқы ұқсастығына қарамастан, дала билеушілерінің реформалары шектеулі егемендік пен отарлық қысым жағдайында жүзеге асқанын көрсетеді. Жапонияда модернизация ұлттық мемлекетті нығайтудың тиімді құралына айналса, Шахин-Гирей мен Жәңгір хан Осман және Ресей империяларының ықпалында қалыптасқан тәуелді саяси кеңістікте әрекет етіп, «отарлық сипаттағы модернизацияны» іске асыруға мәжбүр болды. Зерттеуде реформалардың әлеуметтік негізіне, элиталық қолдау тетіктеріне және қарсылық факторларына айрықша назар аударылады. Ноғай-татар ақсүйектерінің ұстанымдары, Қырым қоғамындағы наразылық көріністері, сондай-ақ Жәңгір ханға қарсы бағытталған қазақ көтерілістері жан-жақты қарастырылады. Зерттеудің мақсаты – Жәңгір хан мен Шахин-Гирей жүргізген реформаларды Жапония, Қытай және Кореядағы модернизациялық үдерістермен салыстырмалы тұрғыдан талдау арқылы дала кеңістігіндегі «отарлық модернизацияның» ерекшеліктері мен шектеулерін, сондай-ақ оған қарсы әлеуметтік-саяси қарсылық формаларын айқындау. Зерттеудің практикалық маңызы – «кейінгі Шығыс» кеңістігіндегі модернизациялық үдерістерді салыстырмалы талдаудың теориялық-әдіснамалық өлшемдерін нақтылауында. Алынған нәтижелерді реформалар тарихы мен отарлық трансформацияларды оқытуға арналған курстарды әзірлеуде, сондай-ақ Қырым хандығы, Қазақ даласы және Шығыс Азия тарихына қатысты жинақтаушы еңбектер дайындауда қолдануға болады. Қорытындыда дала билеушілерінің реформалары Шығыс Азиядағы модернизациялық үдерістердің «сәтсіз көшірмесі» емес, империялық жүйе жағдайында өмір сүру мен бейімделудің өзіндік стратегиясы болғаны негізделеді. Осыған байланысты «сәтті» және «сәтсіз» модернизация туралы бинарлы үлгілерді қайта қарастыру қажеттігі айқындалады.

Түйін сөздер: Жәңгір хан, Бөкей Ордасы, қазақ даласы, Исатай Тайманұлы, Махамбет Өтемісұлы, реформалар, Мэйдзи дәуірі.

Введение

Предлагаемая статья «Колониальная модернизация и сопротивление степи: Жангир-хан и Шахин Гирей в сравнительной перспективе реформ Японии, Китая и Кореи» исходит из того, что реформы Шахин-Герей и Жангира-хана представляют собой особый тип «колониальной модернизации степных обществ», который до сих пор почти не сопоставлялся с восточноазиатскими моделями. Цель работы – рассмотреть, во-первых, как реформы Мэйдзи, китайское Движение самоусиления и реформы в Корею (Кабо, Кванму) задают рамку ожиданий относительно «успешной» и «неудачной» модернизации. Во-вторых, каким образом проек-

ты Шахин-Герей и Жангира-хана вписываются в эту рамку и чем принципиально от неё отличаются; в-третьих, почему именно в кочевых и полукочевых обществах имперской периферии реформатор сталкивается с особенно сильным внутренним сопротивлением – от ногайских войск в Крыму до казахских восстаний против Жангира – и постфактум оказывается демонизирован как «изменник» или «анти-народный» правитель. В центре анализа находятся четыре взаимосвязанных проблемных блока: 1) стартовые структурные условия реформ – оседлое аграрное общество Японии и Кореи, кризисная империя Цин, кочевая степь Крыма и Внутренней Орды; 2) степень политического суверенитета и характер колониального давления (японская

«опережающая модернизация», полукOLONиальный статус Цин и Кореи, вассальная зависимость Крымского ханства от Порты и протекторат России над Внутренней Ордой); 3) социальная база и элитный «носитель» реформ – мэйдзийская олигархия, разобщённые китайские реформаторы, корейские гаехва-мыслители, одинокие фигуры Шахин-Гирея и Жангира; 4) конфигурация сопротивления и последующая символическая «расплата» реформаторов в исторической памяти соответствующих обществ. Статья опирается на сравнительный анализ историографической традиции (прежде всего работ по японской, китайской и корейской модернизации, а также исследований о Шахин-Гирее и Жангире), привлечение опубликованных источников (имперские документы, переписка, поэтические тексты, в частности Махамбета) и дискурсивный анализ образов этих правителей в российской, турецкой и казахской историографии. Тем самым предпринята попытка вписать «колониальную модернизацию степи» в более широкий евразийский контекст обсуждений об успехах и провалах модернизации в длинном XIX веке.

Материалы и методы

Материальной основой исследования послужил комплекс разноплановых источников, включающий опубликованные документы Российской империи (указные акты, переписка ведомств, донесения пограничной администрации, рапорты о состоянии Буковской Орды), османские и российские нарративы о Крыму и Шахин-Гирее, делопроизводственные материалы о ликвидации Крымского ханства, а также мемуарные и описательные свидетельства современников (записки врачей, чиновников, военных, корреспондентов «Северной пчелы» и др.). Существенное место занимают труды отечественных и зарубежных исследователей по истории Буковской Орды, казахской степи, Крымского ханства и восточноазиатских модернизаций, представленные на русском, казахском, английском и турецком языках. Для реконструкции восприятия реформ на уровне общества привлекаются материалы по восстанию Исатая Тайманұлы и Махамбета Өтемісұлы, народные предания, поэтические тексты и устная историческая традиция.

Методологически работа опирается на сравнительно-исторический подход, позволяющий сопоставить реформаторские практики Шахин-

Гирея и Жангир-хана с модернизационными курсами эпохи Мэйдзи в Японии, Движения самоусиления в Китае и реформ в Корее. Используются элементы истории понятий и интеллектуальной истории для анализа дискурса «просвещения», «обновления» и «цивилизации» в имперском контексте, а также методы политико-антропологического и постколониального анализа для выявления особенностей «колониальной модернизации» в условиях ограниченного суверенитета. В рамках контекстуального анализа сопоставляются уровни и формы элитной поддержки реформ, каналы трансляции европейских знаний, механизмы сопротивления (от придворной знати до степной общины). Биографический и просопографический подходы применяются к фигурам Шахин-Гирея и Жангир-хана, что позволяет увязать их личные образовательные траектории и интеллектуальные ориентации с проводимой ими политикой.

Обзор литературы

Во-первых, используется корпус российской и казахстанской литературы по Буковской Орде, Крымскому ханству и казахским восстаниям. К этому кругу относятся работы по социальной и политической истории Внутренней Орды и биографии Жангир-хана (Ivanov, 2001), исследования по феномену «пришлых служилых групп» и ногай-казахской среде (Ishmuhambetov, 2017), труды о восстании Исатая Тайманұлы (Riazanov, 1991), а также статьи, посвящённые военным и административным реформам последнего крымского хана Шахина (Шахина) Гирея (Sheikhumerov, 2018; Oreshkova, 2008). В этот же блок условно включаются российско-язычные работы о Шахин-Гирее и его образе в национальной памяти (Sinyugyl, 2001).

Во-вторых, привлекается турецко-татарская и шире мусульманская историографическая традиция, в которой фигура Шахин-Гирея трактуется преимущественно в оценочных категориях «изменника» и «европеизированного» правителя и где его казнь на Родосе интерпретируется как моральная расплата за «предательство» (Sinyugyl, 2001). Это позволяет сопоставить нормативные национальные нарративы с более аналитическими подходами российской и западной историографии.

Важным опорным пластом выступает восточноазиатская, прежде всего японская и китайская литература по модернизационным про-

цессам XIX века. Японская школа представлена как работами, написанными на русском языке и посвященными мусульманским и тюркским движениям (Uyama, 2018), так и исследованиями по биографии Сайго Такамори и мятежу Сацума (Ravina, 2004; Nishida, 2012). Китайская и синологическая традиция представлена трудом Liao (2006), сопоставляющим модернизацию Цин и реставрацию Мэйдзи, а также сравнительной работой Tian (2025) о Движении самосусливания и реформах Мэйдзи. Отдельный блок составляет западная англоязычная литература по международно-политическим аспектам восточноазиатской модернизации. Неореалистскую интерпретацию успеха реставрации Мэйдзи и ограниченности китайских реформ дают Naum и Motin (2025), опирающиеся, в частности, на анализ внешнеполитического поведения Цин у Wojciuk (2021). Эти работы позволяют осмыслить модернизацию как ответ на внешнее давление и конкуренцию великих держав, а не только как внутренний реформаторский процесс.

Используется литература о Корее и корейской модернизации, включая синтетическое изложение истории Кореи и обсуждение реформ Кабо и Кванму в евразийском сравнительном контексте (Шолахов, 2025), а также исследования по истории Алаш-Орды и стратегии тюрко-татарских элит (Уяма, 2018), что позволяет вписать казахский и крымско-татарский материал в более широкий контекст постколониальных и национально-освободительных движений.

Таким образом, историографическая база статьи складывается из нескольких взаимосвязанных корпусов: российско-казахстанских исследований по степной истории, турецко-татарских работ о Крыме, восточноазиатских (японских и китайских) исследований по модернизации и западной англоязычной литературы по международным отношениям и сравнительной модернизации. Это сочетание позволяет рассматривать реформы Жангир-хана и Шахин-Гирея не изолированно, а в поле общемировых дискуссий о «успешной» и «колониальной» модернизации.

Реформы Крымской и Букеевской Орды

Анализ сравнения реформ Мэйдзи и Жангира показывает, что народы исходно имели разную ментальность и отличались природно-географическими условиями. Император Мэйдзи проводил преобразования в обществе с уже высокой

степенью оседлости и развитой государственной инфраструктурой, тогда как Жангир-хан действовал в условиях преобладания кочевого уклада и слабой фискальной и кадровой базы. Жангир столкнулся с куда большими трудностями, чем реформаторы Мэйдзи: у него не было массовой городской среды, подготовленных администраторов и постоянных источников дохода, на которых опиралась японская модернизация. Казахская модернизационная практика представляла собой многоступенчатый процесс, где даже частичная седентаризация воспринималась как серьезный успех. Простое освоение зимовочных домов и переход отдельных родов к полuosедлости уже считались значимыми достижениями в контексте степной экономики и социальной структуры.

Жангир первым во Внутренней Орде задал образец обустройства постоянного жилья, побудив старшин оседать на зимовках: по преданию, толчком стал брак с Фатимой (1824), после чего он добился высочайшей выплаты до 10 тыс. руб. (1826) и в Рын-Песках уже осенью 1826 г. поставили первый деревянный дом; в 1827-1828 гг. появился большой дом с флигелями – пример, подхваченный другими султанами и приведший к формированию Ханской Ставки (Китары) (Ivanov, 2001: 35). Несмотря на это, экономическая база оставалась пастбищно-скотоводческой, поэтому создание полностью оседлого государства было нереалистично. Развитие ставков шло медленно: быстрый рост отмечен с 1342 г., к 1346 г. насчитывалось около 89 домов (в т. ч. 41 – простых киргизов) и примерно 1000 зимовочных домов и землянок; зимой кочующих практически не было – их корректнее считать полuosедлыми (Ivanov, 2023: 39). По свидетельству Железнова, многие казахи отвергали оседлость и пытались откочевать за Урал, но были удержаны силой; юрту они не желали менять на избу или землянку и связывали оседлость с крестьянской и воинской обязанностью (Ivanov, 2023: 39. Не совпадают). Вамбери отмечал отторжение городского быта у степняков и сочувствие к тем, «кто не имеет монгольских черт лица» (Vambery, 2006: 225). Жилищный проект Жангир-хана оставался символическим шагом к оседлости и наталкивался на фискальные и кадровые ограничения, дефицит инженерной подготовки и низкую привлекательность для кочевого общества.

Naum и Motin (2025) предлагают неореалистскую интерпретацию, согласно которой успех

реставрации Мэйдзи объясняется давней слабостью Японии, побуждавшей к быстрой имитации западных передовых практик и к консолидации элит на основе конфуцианской лояльности (Haym & Motin, 2025: 924). В целом реформы Джангира были адаптивными в колониальной рамке: они опирались на децентрализованную меритократию и не имели объединяющей идеологии, подобной конфуцианству, что делало их менее эффективными по сравнению с централизованной, идеологически ориентированной реставрацией Мэйдзи. Это подчёркивает, как культурные основы формируют траектории модернизации, что контрастирует с позицией Ляо, сосредоточившего внимание на внутренних факторах и подчёркивающего встроенное господство Китая как причину задержек; при этом Haym и Motin опираются на выводы Wojciuk (2021), согласно которым комплекс превосходства замедлил реакцию Китая до 1900 года (Haym & Motin, 2025: 924; Wojciuk, 2021). Авторы также отмечают, что режим Мэйдзи гармонизировал элиты посредством ритуалов – например, Присяги (Charter Oath) 1868 года – чего, по их оценке, не наблюдалось в Китае (Haym & Motin, 2025: 924). Как и в Китае, реформы Джангира были постепенными и во многом «поверхностными», не приведя к индустриализации. Они сосредотачивались на административных и образовательных мерах, направленных на обеспечение лояльности колонизатору, но не охватывали «полный спектр» преобразований, реализованных в Мэйдзи. Возражения в адрес тезиса о «талантливых и дальновидных личностях» в Японии объясняют причину провала: Джангир, как и ряд китайских лидеров (например, Ли Хунчжан), мог быть дальновидным реформатором, однако действовал фактически в одиночку, без широкой поддержки олигархии. В следующей фазе анализа подчёркивается преемственность Японии, выраженная победами в войнах, тогда как Китай испытывал «фрустрацию» из-за этнических конфликтов и неэффективного лидерства. Для Джангира сопоставимый этап наступил после 1845 года, когда ханство было упразднено Россией. В этом смысле можно утверждать, что структурные условия делали задачу Жангир-хана не менее, а во многом и более сложной, чем у реформаторов Мэйдзи: японские элиты модернизировали уже оседлое общество, тогда как Жангир должен был одновременно решать проблему перехода от кочевого образа

жизни к оседлому и выстраивать новые административные практики в колониальном контексте Российской империи. Поэтому корректнее сопоставлять его не столько с императором Мэйдзи, сколько с Алиханом Букейхановым, который также пытался модернизировать казахское общество, находящееся под имперским давлением и переживавшее болезненный переход от кочевания к оседлости. Помимо букеевского Жангир-хана аналогичные попытки предпринимал и последний крымский хан Шахин-Гирей, который так же наткнулся на сильное сопротивление, но, в отличие от Жангира, проводил ещё и военные реформы. Ногайцы, жившие в кочевой и полукочевой среде, также поднимали против него восстания. Иная ситуация сложилась у ногай-казахов Букеевской Орды. Ногайские авторы подчёркивают, что такие группы, как ногай-казахи и ногайцы-карагаши, ранее представляли собой особые этносоциальные общности, а теперь превратились в субэтнические единицы в составе западной (букеевской) части казахов (Ishmukhambetov, 2017: 20). Потомки этих групп до сих пор живут в тех же районах, «храня память и традиции» (Ishmukhambetov, 2017: 20). Они владели вместе с султанами до трети земельных угодий ханства, полученных именно как награду за службу, и выступали «главной опорой власти хана», практически единственными, кто защищал Джангира во время восстания Исатая Тайманова (Ishmukhambetov, 2017: 25). Сами ногайцы вне Букеевской Орды представляли массовые конфедерации орд (Едисан, Буджак, Джембойлук и др.), с собственной знатью, мирзами и сильной военной традицией. Они не были «малой служилой группой при дворе», а почти равноправным партнёром/клиентом крымского хана. Экономика крымских ногайцев держалась на набегах, продаже пленников, кочевом скотоводстве. Попытки крымских ханов и османского центра ограничить их набеги, упорядочить налоги или частично осадить их шли вразрез с интересами ногайской знати – отсюда постоянные бунты, переходы под руку России, массовые миграции. В отличие от Букеевской Орды, где ханство было уже встроено в российскую имперскую систему и выступало посредником между степью и империей, Крым долго оставался политическим центром сам по себе, и ногайцам было из чего выбирать: усиливать своего мирзу, ориентироваться на Порту, на Москву/Россию, мигрировать в иные степи. Их

зависимость от конкретного Гиреевского хана была гораздо слабее, чем зависимость букеевских ногай-казахов от Джангира.

Реформы, проводимые под колониальным давлением, как правило, не приводили к долгосрочному успеху, поскольку они часто навязывались извне, усугубляли социальное неравенство, провоцировали сопротивление и в итоге способствовали распаду колониальных систем или революциям, не достигая целей метрополий в стабилизации и модернизации; вместо этого такие реформы стимулировали националистические движения и борьбу за независимость, как видно на примерах из истории Азии, Африки и Америки. Например, реформы Джангир-хана в Букеевской Орде (1823–1845) включали административную и образовательную модернизацию – создание школ по российскому образцу и централизацию власти для адаптации к имперскому влиянию, но они были ограничены зависимостью от России и не привели к полной независимости, лишь частично улучшив управление в условиях колониального гнета. Сравнивая с Вьетнамом под французским колониализмом в XIX веке, где навязанные извне школы для элиты усугубили неравенство и социальные противоречия, не предотвратив будущие восстания и революцию 1954 года, мы видим аналогичную неудачу в достижении стабильности. В Корее Gabo Reforms (1894–1896) под японским давлением фокусировались на централизации власти и модернизации, но привели к полной аннексии в 1910 году, подчеркивая, как колониальное давление подрывает суверенитет. В Египте реформы Мухаммеда Али (1805–1849) под османским и британским влиянием продвигали образование и торговлю для независимости, добившись краткосрочного экономического успеха в хлопковой индустрии, но были ограничены внешним контролем, приведя к оккупации 1882 года и не обеспечив долгосрочной автономии. Аналогично, реформы Алихана Букейханова в Алаш-Орде (1917–1920) включали образовательные и земельные изменения – равноправие казахов и русских, переход к оседлости и продвижение казахского языка для национального самосознания, но были подавлены большевиками, не достигнув полной реализации из-за революционного хаоса и имперского давления. Сравнение с Вьетнамом показывает, как культурное возрождение под гнетом в итоге привело к революции 1954 года, а не к немедленному успеху реформ.

В Корее модернизация для независимости была подавлена Японией, аналогично судьбе Алаш-Орды. В Египте акцент на равноправие и экономический рост оказался успешнее в краткосрочной перспективе, но все равно ограничен британским вмешательством. Другие исторические примеры подтверждают эту тенденцию: в американских колониях британские реформы, такие как Sugar Act 1764 года и Quartering Act 1765 года, направленные на реформирование имперской системы и сбор налогов, вместо стабилизации вызвали массовое сопротивление, бойкоты и в итоге Американскую революцию 1775–1783 годов, приведя к потере колоний для Британии. В Индии британские реформы XIX века, включая земельные и образовательные изменения, усугубили эксплуатацию и способствовали росту национализма, кульминацией которого стала независимость в 1947 году, а не укрепление колониального контроля. Таким образом, реформы под колониальным давлением чаще всего обрекались на неудачу, превращаясь в катализатор для деколонизации и независимости, а не в инструмент устойчивого развития.

Шахин Гирей предпринял попытку радикальной реформы крымского войска, стремясь заменить традиционное ополчение и ханскую гвардию регулярной армией европейского образца, ориентированной на Петербург (Sheikhumerov, 2018: 65). Уже в 1776 г., находясь на Кубани, он сформировал первый отряд из примерно 800 добровольцев-бешлеев из кубанских ногайцев, вооружённых за счёт русского командования; именно этот отряд стал ядром его «армии новой модели» (Sheikhumerov, 2018: 65). После провозглашения Шахина ханом в 1777 г. была введена рекрутская повинность: по одному воину с пяти дворов, причём община обязана была полностью его снарядить; планировалось довести численность бешлеев до 12 тыс., однако к 1778 г. в распоряжении хана было лишь около тысячи бешлеев и примерно столько же сейменов (Sheikhumerov, 2018: 66). Шахин-Гирей показан как правитель, который первым из мусульманских элит принял «европейский вызов» и попытался провести комплекс реформ: централизованное управление, новая «вертикаль власти», превращение беев в служилое сословие, административное деление, строгая финансовая отчётность, перепись населения, создание регулярной армии европейского образца, благоустройство столицы (Orechkova: 2008; 123). Его реформы

трактуются как ранний, но неудачный старт европеизации: общество не было готово, «ему недоставало общественной симпатии», то есть подготовленности среды к восприятию реформ (Orechkova, 2008; 125). Из-за противостояния народного поэта Махамбета с Жангир-ханом образ последнего приобрёл устойчиво негативный оттенок в казахской среде. Подобный механизм демонизации правителя прослеживается и в отношении Шахин-Гирея. Турецкий историк характеризует его следующим образом: «Шахин Гирей хан – четвертый сын Ахмед-Гирея, 49-й правитель Крымского ханства, пораженный и изумленный Европой и Россией знаменитый щёголь. Изменник Родины, казнён на острове Родос, достоин презрения» (Sinyugyl: 2001; 39). Казнь Шахин-Гирея в 1787 г. никак не связана с османским династическим братоубийственным канонem, фактически утратившим действие уже в XVII в. с утверждением системы «кафеса» и принципа старшинства в династии. Для Порты он выступал не династическим конкурентом, а политически опасным лицом, ассоциированным с утратой Крыма, пророссийской ориентацией и возможной консолидацией крымских изгнанников; его устранение было актом превентивной политической репрессии, а не реализацией династической братоубийственной практики. При этом нельзя исключать, что сам Шахин-Гирей до конца сохранял надежду на османскую поддержку и возможность возвращения Крыма.

Таким образом, ханы, имевшие доступ к европейскому образованию и искренне воспринимавшие идеи реформ, пытались донести их до широких масс своего народа, но именно эта опережающая модернизационная позиция часто вызывала непонимание и отторжение со стороны традиционной среды. Как и в случае с Шахин-Гиреем, чья опора оказалась ограниченной, тогда как решающими противниками стали ногайские отряды, поддержанные османскими эмиссарами, противником реформ Жангира выступали прежде всего сами казахские подданные. Возможно, здесь проявляется специфическая политическая культура кочевых обществ, ещё не прошедших через собственный опыт европейской модернизации и потому склонных воспринимать реформы «сверху» как угрозу традиционному укладу и автономии, а не как путь к усилению ханской власти и укреплению государства. Хотя некоторые турецкие источники называют Шахина Гирея предателем, столь однозначная характери-

стика представляется спорной. Его возвращение в Крым вряд ли можно свести к сознательному и холодно просчитанному изменничеству: осознав свои ошибки, он покинул Россию, вернулся под власть Османской империи и в итоге был там казнён. На раннем этапе им во многом двигали юношеский максимализм и искренняя вера в возможность реформировать ханство. Главной же ошибкой Шахина стала ставка на опору на европейские государства, тогда как для России было заведомо невыгодно появление на её южных рубежах модернизированного Крымского ханства, усиленного за счёт европейских новшеств. Одной из предпосылок реформ было само стремление к знаниям и науке Шахина-Гирея и Жангир-хана. Как отмечалось, во время визита в Петербург Шахин-Гирей встретился с Екатериной II, которая в письме к Вольтеру описала его как двадцатипятилетнего калга-султана, очень умного, стремящегося к образованию, «самого любезного татарина», красивого, пишущего стихи, любознательного и любимого при дворе; он не пропускал спектаклей и по воскресеньям ездил в Смольный смотреть танцы воспитанниц (Solovev, 1851: 841–842). Хан Жангир, по свидетельству профессора Фукса, ещё не слишком свободно говорил по-русски, но отличался чистым произношением и достаточно порядочно писал на нашем языке; родным для него был татарский язык, однако он также владел персидским и арабским. Фукс подчёркивал, что хан, хотя и учился и воспитывался в доме Андреевского, своим образованием обязан самому себе и всего достиг путём самообразования (Ivanov, 2001: 9–10). Казанский корреспондент «Северной пчелы» писал, что удивительно встретить в степи человека столь образованного и знакомого с европейскими науками, причём именно благодаря самообразованию (Ivanov, 2001: 9). Хан был в большей степени учёным, чем воином. Фукс отмечал, что хан был крепкого сложения, с бледным цветом лица, приятными глазами и красивой наружностью, а Терещенко добавлял, что его руки были столь белы и нежны, что им могли бы позавидовать некоторые красавицы (Ivanov, 2001: 15). В отличие от Шахина-Гирея и Жангир-хана, которые сами стремились к европейскому образованию и лично формулировали реформаторские проекты, император Мэйдзи не был «просвещённым монархом» в таком же смысле; интеллектуальными двигателями реформ в Японии выступали прежде всего лидеры

олигархии Мэйдзи – Окубо, Кидо, Ито и др., тогда как сам Мэйдзи играл роль сакрального и политического символа. Ито Хиробуми был одним из наиболее образованных реформаторов эпохи Мэйдзи. В молодости он изучал западные науки в Великобритании, обучаясь в University College London, где знакомился с основами конституционного строя и современной экономики. Позже, уже как признанный государственный деятель, он был удостоен ряда почётных степеней зарубежных университетов, в том числе почётной степени доктора Йельского университета (Denis, 2002: 133).

В Китае Движение самоусиления оставалось инициативой внутри старой династической «аристократии»: его целью было прежде всего «восстановление традиционного порядка империи» и, опираясь на западную дипломатию и военную технику, нейтрализация внутренних восстаний и внешнего давления, вследствие чего «полный спектр реформ не мог быть применён ко всей стране» (Liao, 2006: 72-73). Реставрация Мэйдзи, напротив, рассматривается как в целом успешная модернизация, чьи экономические, политические и военные результаты существенно превосходили китайские. Ключевая причина состояла в более глубоком характере реформ и ориентации не на спасение старого режима, а на строительство нового национального государства, соответствующего «требованиям времени» (Tian, 2025: 36).

Напротив, Мэйдзийская реставрация была революцией против сёгуната: власть формально возвращена императору, а реально сконцентрирована в руках образованной элиты из двора, бывшего сёгуната и доменов, которая имела «больше пространства и гибкости» для проведения беспрецедентно широких преобразований (Liao: 2006; 73-81). В Китае реальная власть принадлежала вдовствующей императрице Цыси, сосредоточенной на балансе Манчжуров и Ханьцев и династическом выживании; реформы допускались ею «пассивно» и в рамках сохранения традиционного порядка (Liao: 2006; 73). Подобные реформы были предприняты и в Корее принцем Сохёном. Сохён-принц важен как один из первых корейских мыслителей, пытавшихся ввести в Корею европейские знания и науку; его судьба стала трагическим символом слишком рано рождённой модернизационной мечты. В этом он сопоставим с ханом Жанги́ром Бөкейской Орды: оба были открыты внешнему

миру, тянулись к знаниям и стремились изменить своё общество, но столкнулись с непониманием и сопротивлением традиционной элиты, что завершилось для них преждевременной смертью. При этом ситуация Кореи и Цин отличалась от отношений Казахской степи и Российской империи: Цин рассматривала Корею прежде всего как вассала и не стремилась к полной аннексии, разделяя с ней общий конфуцианский идеологический горизонт, тогда как между казахами и русскими разрыв в религии, культуре и философии был значительно глубже (Sholakhov, 2025: 110). С одной стороны, мы не можем исходить из чрезмерно евроцентричной оптики и ранжировать реформы по степени их «европейскости», признавая подлинной модернизацией лишь те проекты, которые максимально воспроизводят западные образцы. Для японских, корейских, китайских, крымско-татарских и казахских элит заимствование европейских институтов всегда переплеталось с местными традициями, поэтому корректнее говорить не о том, чьи реформы были «более европейскими», а о том, как в каждом случае сочетались внешние заимствования и внутренние структуры общества.

В Японии же, по Ляо, ключевым ресурсом был не только институт императорской власти, но и националистическая мобилизация общества: «вся японская общественность проявляла агрессивность в погоне за новым знанием», тогда как Цинский Китай отличали «социальная и психологическая инерция» (Liao: 2006; 80-81).

Разница легитимности чингизидов и японских императоров. Легитимность казахских чингизидов была династической (кровь Чингисхана), но зависела от признания и поддержки живых родов степи, то есть её можно было оспорить на практике. Легитимность японского императора была сакрально-космической (потомок богини солнца и носитель священных регалий), и потому считалась принципиально недискуссионной внутри японского политического воображения. Спорили не с императором, а за право говорить от его имени. Позиция Жанги́ра хана по прочности была слабее, чем позиция японского императора: казахский хан зависел от текущей лояльности родов и мог утратить легитимность при обвинении в злоупотреблении властью, тогда как императорская власть в Японии обладала сакральной неприкосновенностью и могла быть политически переоформлена современными реформаторами эпохи Мэйдзи без разрушения

самого института. В суннитской правовой традиции вооружённый мятеж против мусульманского правителя в целом запрещён, потому что смута (fitna) считается хуже несправедливого правления; исключение допускается только при явном отпадении правителя от ислама. В казахской степи 1830-х годов эта модель почти не действовала: исламская принадлежность декларировалась, но шариатская аргументация (фикх, авторитет улемов, богословское оправдание мятежа) была слабо встроена в кочевую политическую культуру. Казахи оценивали хана прежде всего по критерию справедливости и защиты интересов рода, а не по религиозно-юридическому статусу как «мусульманского правителя». Поэтому выступление Исатая Тайманұлы и Махамбета Өтемісұлы против Жангира хана оправдывалось как ответ на латифундизм, а не как религиозно санкционированный мотив. Как отмечали русские наблюдатели, ханы у казахов избирались народом и не были наследственными (Ivanov, 2001: 19).

Разница с реформами Мэйдзи и Джангира

Элитарная коалиция и бюрократический ресурс. Реформы Мэйдзи реализовала мощная группа (альянс Сацума–Тёсю–Тоса–Хидзэн). Такие деятели, как Окубо, Кидо, Ито, Ямагата, объединились на единой платформе и быстро создали централизованное правительство и новые ведомства. В Букеевской Орде вокруг Жәңгіра было мало устойчивого, образованного и функционально разнообразного управленческого корпуса. С местными султанами и старшинами часто возникали конфликты интересов.

Социальная поддержка и легитимность. В Японии императорский институт стал общенациональным символом единства. Несмотря на столкновения с самураями, горожане-торговцы и сельские общины быстро почувствовали повседневные выгоды модернизации (дороги, почта, школы, рынок). В Букеевской Орде рост налогов, давление на пастбища, земельные споры, недоверие к «чужим муллам» и новому порядку отдаляли народ от Жангира. Реформы объяснялись «сверху», тогда как их «низовое» присвоение было слабым.

Финансовая база и характер налогообложения. Правительство Мэйдзи перевело земельный налог в денежную форму, ввело единую валюту

и государственные банки, привлекало внешние займы и технологии, субсидировало мануфактуры. В Букеевской Орде, где преобладало кочевое и полукочевое хозяйство, денежные поступления были нестабильными, рынок – неглубоким, а увеличение фискальной нагрузки напрямую било по уровню жизни, усиливая политическое недовольство.

Политический суверенитет и колониальные ограничения. Япония и до Мэйдзи была способна принимать решения как самостоятельное государство; после 1868 г. проводила реформы в рамках собственного конституционного порядка. Букеевская Орда зависела от административно-правовой системы Российской империи. Хотя ханская власть получила «временную» автономию, кадровые, финансовые и вопросы безопасности оставались под контролем российских чиновников. Поэтому инициативы Жангира не могли развиваться в полную силу.

Военная реформа. Япония ввела всеобщую воинскую повинность, опиралась на современное вооружение и артиллерию, упразднила самурайскую ренту и создала единую армию. В Букеевской Орде содержать регулярные дисциплинированные войска было политически и финансово невозможно; функции безопасности зависели от колониальной администрации.

Образование и подготовка кадров. В эпоху Мэйдзи проводились массовое начальное обучение, развитие технических школ, отправка студентов за рубеж и приглашение иностранных специалистов (ойятои-гайкокудзин) – всё это стало системной политикой. Жангир начал развивать школы, медицину, торговую инфраструктуру, но масштаба и темпа не хватало. Свободное привлечение внешних специалистов также было ограничено. В отличие от Японии Мэйдзи, у Жангира не было возможностей опереться на широкие корпуса британских, португальских и др. инструкторов. В реформах он главным образом ориентировался на казанско-татарскую интеллигенцию – мулл и учителей. Однако татарская среда того периода не имела собственного государства и была ограничена имперскими религиозно-образовательными институтами; поэтому её влияние проявлялось в основном в просвещении и исламской архитектурно-строительной сфере (мечети, медресе) и не сформировало самостоятельной государственной доктрины. В более поздней мусульманской историографии подобная связка власти, образования

и моральной реформы получит артикулированную форму джадидизма; в раннем же XIX веке Жангир-хан, действуя в рамках колониального режима и кочевого общества, фактически предвосхищал отдельные элементы этой программы, оставаясь, однако, «неосознанным» предтечей, а не идеологом модернистского ислама.

География и внешняя среда. Островная Япония, ощущая внешнее давление, принимала внутренние решения в сравнительно безопасном пространстве, самостоятельно регулируя морскую торговлю и таможенную политику. Степная Букеевская Орда граничила с Россией напрямую. С точки зрения имперской логики требовался не «усиливающийся союзник рядом», а «контролируемый рубеж». Поэтому казахам не предоставляли широких возможностей для глубокого политико-военного обновления.

Юридическое оформление и институционализация реформ. Япония превратила изменения в правовую норму через Клятвенную хартию 1868 г., министерства 1870-х гг., Конституцию 1889 г., Парламент 1890 г. В Букеевской Орде нововведения чаще оставались на уровне административных распоряжений и не закреплялись высокой правовой гарантией; доминировала правовая иерархия империи.

Эффект «успех подпитывает успех». Победы Японии в войнах с Китаем (между годами 1894-1895) и Россией (1904-1905) подтвердили правильность курса модернизации и подали налогоплательщикам и предпринимателям сигнал о его практической выгоде. В Букеевской Орде восстания 1836-1838 гг. были подавлены силой, что ещё более усилило недоверие к реформам.

В Букеевской Орде реформа носила локальный, «внутриордынский» характер и не могла превратиться в общекзахский модернизационный проект. Во-первых, сама Букеевская Орда занимала ограниченное пространство между Волгой и Жайыком и охватывала лишь часть родов Младшего жуза; значительная часть казахского населения оставалась вне её юрисдикции, продолжая жить по обычаям степи и под иным административным режимом. Поэтому любые институциональные новшества Жангира – школа, суд, налоговая система, попытки оседания – распространялись только на эту «экспериментальную» территорию, а не на весь Младший жуз, тем более не на Средний и Старший жузы.

Во-вторых, казахское общество в первой половине XIX века сохраняло жузовую и родоплеменную раздробленность, а в самом Младшем жузе продолжали действовать другие ветви чингизидов и султанские линии. Политический авторитет Жангира как хана Внутренней Орды не превращался автоматически в признанное лидерство над всеми казахами Младшего жуза. В отличие от Японии Мэйдзи с одним императорским центром, здесь не было единой «национальной» сцены, на которой можно было бы запустить общекзахскую программу реформ – каждая группа ориентировалась на своих родовых старшин, султанов и российскую администрацию, а не на Жангира как общенациональную фигуру.

В-третьих, его военная опора была крайне узкой. Он не имел в распоряжении массовой народной армии или самурайского сословия, как японское правительство Мэйдзи, а опирался на ограниченный контингент «служилых» – про-российски настроенных старшин и небольшой отряд вооружённых людей, содержавшихся при ханской ставке и частично на средства империи. Такая военная слабость исключала радикальные реформы «сверху» против воли традиционной знати: любое серьёзное давление на родовые структуры грозило бунтом, который хан не мог подавить собственными силами.

Наконец, юридический статус Букеевской Орды как образования внутри границ Российской империи делал реформы Жангира зависимыми от воли Петербурга и Оренбурга. Россия рассматривала Внутреннюю Орду скорее как зону управляемого эксперимента и буфера, чем как ядро будущего казахского государства. Это усиливало локальный, а не общекзахский характер его преобразований: они были встроены в имперскую колониальную политику и не могли перерасти в масштабный национальный проект даже при наличии модернизационных замыслов самого хана.

Маньчжурский опыт

Цинская власть, будучи маньчжурской по происхождению, легитимировалась внутри Китая через конфуцианскую государственную ортодоксию и связанные с ней институты, прежде всего классическую бюрократию, экзаменационную систему и ритуальную модель «правильного» правления. Это обеспечивало ей более плотную и институционально оформленную

идеологическую инфраструктуру признания по сравнению с кочевыми обществами, где легитимность традиционно строилась иначе, через генеалогию, военную харизму, договорные отношения с родоплеменной знатью и нормы степного адата, а также исламские основания власти у крымских татар. Поэтому отличие заключается не в том, что у казахов или крымских татар «не было легитимной идеологии», а в том, что их легитимационные режимы были менее унифицированы и меньше опирались на единую письменную ортодоксию и централизованный бюрократический аппарат, чем конфуцианский канон поздней империи.

Как известно, маньчжуры в определённой степени были родственны монгольским и (в более широком евразийском контексте) тюрко-монгольским степным популяциям, включая казахов. Подобно тому как чингизиды, оказавшись в тюркской (в том числе крымской) среде, сумели институционализировать свою верховную власть, маньчжурская элита выработала собственные принципы легитимации и государственного строительства, оформив их в рамках империи Цин.

Некоторые генетические исследования показывают, что правящая династия Айсинь Гьоро, при её маньчжурской (тунгусской) культурно-языковой идентичности, по отцовской линии относится к Y-хромосомной гаплогруппе C3b1a3a2-F8951. Эта линия рассматривается как «сестринская/братская» по отношению к ветви C3*-Star Cluster (в актуальной номенклатуре – C3b1a3a1-F3796, ранее нередко связывавшейся с Чингисханом) и при этом существенно отличается от доминирующей среди тунгусоязычных популяций гаплогруппы C3c-M48. Анализ вариативности внутри C3b1a3a2-F8951 позволяет предположить раннее перемещение предков клана Айсинь Гьоро из среднего Приамурья с последующим закреплением на юго-востоке Маньчжурии; в таком прочтении происхождение клана может восходить к древним забайкальским популяциям и быть тесно связано с генеисом современных даурских (монгольских) групп (Lan-Hai Wei, 2005: 407–411).

Инициированная императором Гуансю и поддержанная учёными реформаторами Кан Ювэем и Лян Цичао, кампания «Сто дней реформ» продолжалась около ста дней и выразилась в серии императорских указов. Их содержание сводилось к перестройке государственного

управления, реформе экзаменационной системы, модернизации армии, стимулированию промышленного и образовательного развития, а также внедрению отдельных элементов конституционного правления (Kwong, Luke, 2000: 663–695). Это встретило жёсткое сопротивление со стороны старших маньчжурских князей, великих советников и провинциальных губернаторов, которые воспринимали меры вроде пересмотра экзаменационной системы и ликвидации синекур как угрозу существующему социально политическому порядку (Harris, Lane, 2018: 209–308). По мере обострения конфликта между императором Гуансю и вдовствующей императрицей Цыси часть реформаторов стала рассматривать возможность её насильственного отстранения от власти (Eckel, Paul, 1948: 280). Согласно более поздним свидетельствам, Тань Сытун обращался к Юань Шикаю с предложением устранить Жунлу, установить контроль над тяньцзиньским гарнизоном и затем выступить на Пекин с целью ареста Цыси (Wright, 1958: 240). Однако Юань ранее обещал поддержать Жунлу и, вместо того чтобы устранить его, предпочёл раскрыть ему сведения о готовящемся заговоре (Eckel, Paul, 1948: 281), что позволило Цыси и её фракции организовать государственный переворот (Kwong, Luke, 2000: 663–694).

22 сентября 1898 года при поддержке консервативных кругов и военных сил, связанных с Юань Шикаем и Жунлу, Цыси осуществила дворцовый переворот и сосредоточила власть в своих руках (Eckel, 1948: 282). Император Гуансю был изолирован и оставался под домашним арестом на острове Интай до смерти в 1908 году. Реформаторские указы были в основном свёрнуты, а ключевые сторонники реформ, известные как «Шесть джентльменов Усю», казнены; одновременно были восстановлены прежние ведомственные структуры и должности, а деятельность ряда газет, общественных объединений и школ ограничена или приостановлена.

Как отмечает Jung, в политической практике вдовствующей императрицы Цыси важное место занимали консультации и аудиенции: она окружала себя советниками и нередко выслушивала прогрессивно настроенных чиновников, демонстрируя стиль управления, при котором учитывались различные позиции, включая те, с которыми она не была полностью согласна (Jung, 2013: 270). Вместе с тем отношения между Цыси и её племянником, императором

Гуансюем, характеризовались глубокой напряжённостью. По оценке исследователя, Гуансюй занимал по отношению к императрице конфронтационную позицию, обусловленную не только политическими разногласиями, но и личной неприязнью; расхождения в их взглядах и убеждениях проявлялись с самого начала совместного правления (Jung, 2013: 283). Цыси, как правило, поддерживала умеренные и ограниченные реформы постольку, поскольку они усиливали управляемость и обороноспособность империи, а значит укрепляли и её собственные позиции во власти. В этом смысле реформы выступали для неё не проектом политической либерализации, а инструментом сохранения режима. В Букеевской Орде сходная логика проявлялась в иной институциональной форме. Реформы Жангир хана, затрагивавшие распределение пастбищ и усиливавшие административно фискальный контроль, становились удобным объектом политической мобилизации, поскольку напрямую задевали интересы родовой верхушки и широких слоёв кочевого общества. В этом контексте фигуру чингизида Кайыпгали Ишимова можно интерпретировать не только как носителя «антиреформаторской» позиции, но и как политического актора с прагматическими целями, стремившегося устранить Жангир хана и перераспределить власть. Апелляция к массовым настроениям и риторика защиты традиционных прав выступали инструментом легитимации борьбы, то есть сопротивление могло быть направлено не против модернизации как таковой, а против конкретного режима управления и ресурсного распределения, ассоциированного с ханской администрацией и внешней опорой. В историографической интерпретации Кайыпгали Ишимов может рассматриваться как отдельный политический противник Жангир хана, стремившийся использовать социальное недовольство реформами и перераспределением пастбищ в собственных целях. В этом контексте он выступал не только участником конфликта, но и одним из подстрекателей, усиливавших радикализацию протеста и подталкивавших Исатая Тайманұлы к открытому противостоянию ханской администрации.

«Сто дней реформ» 1898 г. в империи Цин и реформы эпохи Мэйдзи в Японии (с 1868 г.) сопоставимы как проекты ускоренной модернизации, инициированные верховной властью в условиях внешнего давления, однако различаются по политическим предпосылкам, институ-

циональной обеспеченности и результативности. Китайская программа, связанная с императором Гуансю и кругом учёных реформаторов, носила характер краткосрочной кампании нормативных указов, нацеленных на перестройку управления, реформу экзаменационной системы, модернизацию армии, развитие образования и промышленности и ограниченное заимствование конституционных элементов; при этом она не опиралась на устойчивую коалицию поддержки внутри правящей элиты и столкнулась с жёстким сопротивлением консервативных групп, что сделало реформы политически уязвимыми и привело к их быстрому свёртыванию после дворцового переворота. Японская модернизация, напротив, разворачивалась как длительный и последовательный процесс институциональной трансформации, закреплённый централизацией власти, созданием новых управленческих механизмов, перестройкой военно фискальной системы и формированием общегосударственных институтов образования и армии; наличие большего пространства суверенного маневра и более прочной внутренней консолидации элит позволило Японии не ограничиться декларациями, а добиться устойчивой институционализации реформ. В итоге различие между двумя кейсами определяется не столько декларативными целями модернизации, сколько различной способностью политического режима обеспечить воспроизводство реформ через устойчивые институты и согласование интересов элит в условиях внешнего давления.

Реформы Чосон

В книге «Краткая история Кореи» автор описывает судьбу принца Сохёна, который в течение восьми лет находился в империи Цин в статусе заложника. В Китае он познакомился с западно-европейскими миссионерами иезуитами, заинтересовался европейской культурой и искусством и пришёл к выводу, что Корея заметно отстаёт от более развитых государств, вследствие чего вынашивал планы реформ. Король Инчжо, отец принца, видел, что сын существенно изменился, однако, согласно изложению источника, придворные тайно расправились с Сохёном; при осмотре тела фиксировались следы насилия. В 1645 году принц был убит, и тем самым королевство утратило потенциальную возможность для более раннего реформаторского поворота. В

сравнительной перспективе Сохён и Жангир хан демонстрируют сходство как правители и наследники, ориентированные на преобразования и обновление страны. Вместе с тем отношения Кореи с империей Цин и казахских обществ с Российской империей не тождественны: Корея выступала вассалом Цин при сохранении внутренней автономии и общей идеологической рамки, тогда как взаимодействие казахов с Россией сопровождалось более глубокой религиозной, культурной и философской дистанцией (Шолахов, 2025: 109–110). Иногда корейские правители сами выступали сдерживающим фактором модернизации. Так, Тэвонгун, с одной стороны, инициировал ряд внутренних преобразований, направленных на укрепление власти монарха, ограничение влияния янбанской аристократии и частичную реорганизацию военной сферы; фактически он стремился к обновлению государства в рамках традиционного порядка, не принимая радикальной вестернизации. С другой стороны, его политическая линия, опиравшаяся на традиционализм и недостаточную адаптацию к технологическим и военно-организационным изменениям эпохи, способствовала сохранению стратегического отставания, что в перспективе усилило уязвимость Кореи и завершилось аннексией Японией в 1910 году (Шолахов, 2025: 117).

Позднее, в 1897 году, Чосон провозгласил себя Тэхан Чегук, то есть Корейской империей, позиционируя этот шаг как попытку совместить конфуцианскую легитимационную традицию с программой модернизации. Однако, как отмечается в работе, реальный ресурсный и военно-политический потенциал Кореи оставался недостаточным для статуса «империи» в строгом смысле, и провозглашение империи носило во многом символический характер. В данном отношении этот акт сопоставим с условной ситуацией, при которой казахские политические элиты объявили бы своё государство «Великим Улусом Джучи» или «Золотой Ордой», апеллируя прежде всего к престижной традиции и статусной риторике (Шолахов, 2025: 123). Если фиксировать **главное сходство**, то для Кореи конца XIX века, в Букеевской Орде и Крымско-го ханства при Шахин Гирее общим определяющим фактором выступало **внешнее давление**, которое задавало вынужденный характер реформ. Во всех трёх случаях модернизационные меры были, прежде всего, реакцией на измене-

ние международной обстановки и асимметрию сил, а не результатом внутренне созревшей, автономной программы развития. Поэтому реформы разворачивались в условиях ограниченного суверенного манёвра и постоянно соотносились с интересами более мощных внешних акторов, что повышало конфликтность и снижало устойчивость институционализации.

Предпосылки восстаний против реформ

В казахской степи восстание Исатая и Махамбета подорвало символический статус хана как безусловно справедливого арбитра, но не уничтожило сам институт ханской власти немедленно. В Японии поражение Сайго, наоборот, укрепило центральное правительство Мэйдзи и легитимировало демонтаж сословной военной элиты. Восстание Исатая Тайманұлы во Внутренней Орде (1836–1838) представляло собой преимущественно народный, антифеодальный и частично антиколониальный протест кочевых сообществ против ханско-служилой верхушки и имперской администрации, тогда как мятеж Сайго Такамори (Сацумское восстание 1877 г.) был выступлением обедневшего самурайства против национального центра Мэйдзи и радикальной модернизации, ликвидировавшей их сословный статус и закрепившей переход Японии к современному национальному государству. Рязанов отмечал, что одной из главных причин выступления Исатая стало назначение тестя, Карауылқожи Бабажанова, не имевшего казахского происхождения. Несмотря на эти протесты, хан этого не учёл (Riazanov, 1991: 14). Карауылқожа был сартом по происхождению и вызывал раздражение назначением старшиной Адаевского уезда. К 1838 г. Исатай уже был готов предпринять решительные шаги именно против него. Также он усиливал поборы с казахов и присваивал ресурсы. Исатай писал, чтобы Карауылқожа не объявлял себя правителем и не увеличивал поборы (Riazanov, 1991: 19–20). Источники подтверждают, что 29 ноября 1826 г. Исатай выступал главным представителем при бухарском посланнике, а в 1828 г. как старшина рода Бериш на урочище Уяла принёс присягу верности посредством клятвенной записи. Подобных «позитивных» эпизодов было немало, однако именно эти зафиксированы в архивах (Riazanov, 1991: 15). Сайго Такамори происходил из знатного самурайского клана

Сацума, сформировавшегося в среде воинской аристократии южной Японии, тогда как Исатай Тайманұлы принадлежал к роду Беріш Младшего жуза, чьи представители в казахской памяти и устной традиции выделяются исключительной храбростью. Хотя многие представители дома Сацума последовали за Сайго Такамори, его младший брат Сайго Дзюдо остался верен императору Мэйдзи (Nishida, 2012: 4). В роду Беріш не было единого мнения о том, поднимать ли восстание против Джангира. Часть беришевских биев – Себеков и Жанбыршы (Шомбал би) – занимали биевские должности при ханском дворе и верно служили Джангиру.

В трактовке Генса, возглавлявшего Оренбургскую комиссию, восстание Исатая объясняется прежде всего не фискальными мерами и злоупотреблениями местной элиты, а особенностями коллективного восприятия – «слуховым» характером коммуникации и психологией толпы. Аналогичный акцент делает сенатор Энгель, подчёркивая определяющее значение «нелепых слухов» и указывая на султанов, их целенаправленно распространявших, таких как Кайп-Галий и Чука Нуралиев (Riazanov, 1991: 4-5). Одной из ключевых предпосылок восстаний, таким образом, выступала повышенная чувствительность кочевых сообществ к слухам, стремительно размывавшим доверие к власти; подобный механизм мобилизации прослеживается как в Букеевской Орде, так и в Крымском ханстве времён Шахин-Гирея. Казахи и ногайцы имели схожую ментальность и образ жизни, при этом часть групп находилась в относительном удалении от ханского двора. Ногай-казахи как служилый род не выступили против Жангир-хана, поскольку их статус был институционализирован при дворе, где они ощущали благосклонность хана и опирались на его покровительство. Напротив, казахи, жившие вне ханской орды, были гораздо более чувствительны к слухам и настроениям степи. Аналогичную ситуацию можно наблюдать у ногайцев при крымском хане Шахин-Гирее, когда удалённые от двора группы оказывались более уязвимыми к слуховой мобилизации и антидворцовым настроениям. В случае Сайго Такамори мы наблюдаем иную конфигурацию центра и периферии, чем в Букеевской Орде и при Шахин-Гирее. Если для казахов и ногайцев характерен контраст между лояльными «дворовыми» служилыми группами и более уязвимыми к слуховой мобилизации периферийными общинами, то сацумские самураи выступили не

столько жертвами слухов, сколько провинциальной элитой, утрачивавшей статус и материальные привилегии в результате централизованных реформ Мэйдзи. Восстание Сайго было обусловлено прежде всего социально-статусным и экономическим кризисом самурайского сословия, а не «слуховой стихией» кочевого общества, что подчёркивает различие механизмов мобилизации в японском и степном контекстах.

Сайго Такамори погиб утром 24 сентября 1877 года в последнем бою на холме Сирояма под Кагосимой: во время решающей атаки пуля прошла навылет через тазовую область, тяжело ранив его (Ravina, 2004: 4). Согласно легенде, он, будучи смертельно раненым, совершил сэппуку и был обезглавлен товарищем, однако данные вскрытия (отсутствие ран на животе при тяжёлом ранении бедра и таза) показывают, что он физически не мог самостоятельно выполнить ритуал и умер именно от огнестрельного ранения (Ravina, 2004: 4). В конце Исатай был убит в бою, сражаясь против пяти наседавших; по словам подполковника Геке, он «умер по вине своей храбрости» (Riazanov, 1991: 97). Исатай сознательно шёл на смерть, понимая неизбежность гибели, и, связанный давней присягой Джангиру, не стремился лично поднимать на него руку. Таким образом, Сайго Такамори в японской истории и Исатай Тайманұлы в истории Казахской степи выступают как схожий тип лидеров: бывшие опоры существующего порядка, которые в условиях социального кризиса и колониального/централистского давления возглавляют «внутреннее» восстание против несправедливой власти, доводят борьбу до последнего, заведомо проигранного сражения и после гибели превращаются в ключевые символы национальной памяти. В Крымском ханстве не возникло харизматического военного лидера, сопоставимого с Сайго Такамори или Исатай Тайманұлы. Протест носил более рассредоточенный и комплексный характер. В военной сфере Шахин-Гирей пытался проводить более терпимую политику, привлекая еврейское и христианское население к службе вместе с мусульманами. Однако эти реформы встретили резкое неприятие со стороны ногайско-татарской знати и значительной части простого народа, видевших в межрелигиозной интеграции угрозу своим привилегиям и нарушению законов ислама (Akhiezer, 2023: 656).

Разница в годах между этими событиями: если считать от начала восстания Исатая (1836) до Сацумского восстания (1877), то она со-

ставляет 41 год. Если ориентироваться на пик или середину событий Исатая (1837), то разница – 40 лет.

В сравнении Японии, Букеевской Орды, Крымского ханства и Цин исход реформ во многом определялся тем, кто контролировал организованное насилие и способен ли реформаторский центр удержать коалицию элит. В Японии антиреформистское сопротивление (включая Сайго Такамоти) оказалось слабее центра, поскольку государство консолидировало военную инфраструктуру и не позволило оппозиции создать устойчивую альтернативную силовую вертикаль. В Букеевской Орде Жангир хан, не располагая автономной армией и опираясь на внешнюю инфраструктуру принуждения, оставался структурно уязвимым перед внутренней оппозицией. В Крымском ханстве реформы Шахин Гирея также ограничивались слабой управляемостью военной силы и сопротивлением традиционных групп, усугублённым внешним принуждением. В Цин аналогичный механизм проявился в придворной борьбе, где реформы 1898 г. были сорваны, поскольку ключевые силовые ресурсы и элитная коалиция оказались на стороне консерваторов.

Реформаторский курс Османа II потерпел неудачу во многом из-за просчёта в силовом балансе. Стремясь ограничить влияние янычар и перестроить военную систему, он вступил в прямую конфронтацию с корпусом, который оставался наиболее организованной и политически влиятельной вооружённой силой в столице. При этом султан не располагал достаточными альтернативными военными ресурсами и не успел создать опору в виде новой лояльной силы, способной нейтрализовать янычарское сопротивление. В результате инициатива реформ оказалась структурно уязвимой и была сорвана при активном участии янычар.

Как и отмечал турецкий историк Осман II, по-видимому, одним из первых османских правителей ясно осознал преторианский характер янычарского корпуса и рассматривал его как структурное препятствие модернизации и централизации власти. В рамках мер по ограничению их политической субъектности он распорядился закрыть кофейни, служившие важными местами корпоративной коммуникации и координации, и параллельно разрабатывал проект формирования новой, лично лояльной армии на основе секбанов и других контингентов из Анатолии, Месопотамии, Египта и туркменских групп (Ozgen

2002: 1). В рассматриваемых случаях ключевым фактором уязвимости реформ выступает конфигурация силовых ресурсов. Военные преобразования Османа II затронули интересы янычарского корпуса как институционализированной военно-политической корпорации, обладавшей автономной организацией и способностью коллективного давления на центр; при этом султан не располагал сопоставимой по эффективности альтернативной лояльной силой, что ограничивало его возможность нейтрализовать лидеров сопротивления и обеспечивать принудительное проведение реформ.

Зачинщики восстаний, в частности кочевые ногайские группы, представляли собой одну из наиболее боеспособных и мобильных военных сил Крымского ханства. По своей политико-военной роли их можно сопоставить с янычарами в Османской империи, поскольку они выступали ключевым ресурсом вооружённой мобилизации и фактической опорой силового баланса. Шахин Гирей не сумел заручиться их устойчивой поддержкой, и дефицит лояльной, организованной военной опоры существенно ослабил его позиции, сделав реформаторский курс уязвимым перед сопротивлением.

Антиреформистские настроения среди аристократии и привилегированных групп во многом объяснялись рациональным страхом утраты экономических оснований их статуса. Нововведения угрожали сложившимся механизмам распределения ресурсов и рент, включая должностные доходы, налоговые привилегии и доступ к земельным и административным преимуществам, поэтому реформы воспринимались как риск подрыва финансовой стабильности и социально политических позиций элиты. В отличие от «дворцовой аристократии» империй, в Букеевской Орде сопротивление порождали не столько страхи потери синекур, сколько угрозы привычным режимам распределения ресурсов в степном обществе. Административные нововведения, фискальные практики и перераспределение пастбищ воспринимались как вмешательство в традиционные права общин и родовой знати на землю и кочевые маршруты. Поэтому антиреформистская реакция здесь выражала, прежде всего, конфликт вокруг доступа к пастбищам, налогообложения и усиления контроля ханской администрации, то есть борьбу за экономическую и статусную устойчивость, но в специфически кочевом, а не бюрократическом формате.

Иностранное вмешательство нередко выступало катализатором восстаний, особенно когда население воспринимало «чужаков» как силу, вмешивающуюся во внутренние дела и нарушающую привычные механизмы легитимности. В Букеевской Орде подобный фактор мог усиливать протестные настроения среди байулы (байулинских) родов, если внешние акторы и их представители ассоциировались с давлением на ханскую власть и перераспределением ресурсов. Сходная зависимость прослеживается и в египетском материале. Как отмечается в исследовательской литературе, в 1870-е годы влияние европейских держав в Египте заметно возросло, поскольку хедив Исмаил был вынужден включать европейских министров в состав правительства (Steppat, 1993: 180-185). При этом сам Исмаил получил образование в Париже (Cuno, 2019 :3), что предполагает его более тесное знакомство с европейскими политическими и культурными практиками. В сравнительной перспективе подобная «европейская социализация» характерна и для ряда восточных правителей, включая Шахин Гирея и Жангир хана. Следовательно, обращение к европейскому опыту и культурным образцам могло становиться одним из факторов, подталкивавших правящие элиты к реформам, тогда как углубление внешнего влияния одновременно усиливало социальную напряжённость и порождало основания для антиправительственной мобилизации.

Государственный долг вырос при хедиве Исмаила долг дорос с 3 миллионов фунтов стерлингов до примерно 90 миллионов фунтов стерлингов в стране с населением 5 миллионов человек и годовым доходом казны около 8 миллионов фунтов стерлингов (Langer, 1950: 355). Образовательные реформы привели к росту расходов на образование более чем в десять раз, расширению сети начальных и средних школ и созданию технических и профессиональных училищ. Возобновились образовательные миссии в Европу, что способствовало формированию западно-образованной элиты. В 1871 году была учреждена Национальная библиотека (Cleveland, 2013: 88-89). Как отмечает Юджин Роган, парадокс заключался в том, что египетская модернизация задумывалась как путь к независимости от османского и европейского господства, но каждая новая уступка делала правительство всё более уязвимым для европейского вмешательства (Rogan, 2011: 101). Во второй половине XIX века ключевым тормозом стала финансовая зависимость.

Реформы и инфраструктурные проекты при Исмаиле привели к долговому кризису, после чего иностранный контроль над финансами стал институциональным.

Букеевская Орда также располагала ограниченной экономической базой, поэтому реформаторские программы Жангир хана не могли приобрести «грандиозный» масштаб. Дефицит фискальных ресурсов, слабая инфраструктурная и инженерная обеспеченность и зависимость от внешних административно торговых каналов объективно сдерживали глубину и темпы преобразований, сводя их преимущественно к локальным административным мерам. В целом экономический потенциал Орды оставался сравнительно низким и, по своему масштабу, мог быть сопоставим с более ранними региональными политическими образованиями степного пояса, включая Сибирское ханство. Отсутствие устойчивой финансовой базы, слабость экономики и дефицит подготовленных кадров выступали ключевыми структурными ограничителями реформ. Даже при максималистских установках правителей и высоких амбициях преобразований, реализация реформ сталкивалась с нехваткой материальных, институциональных и человеческих ресурсов, что неизбежно сокращало масштаб и устойчивость предпринимаемых мер. Также у Крымской ханской власти не было достаточной финансовой базы для содержания и реформирования аппарата управления и войска, кадровый ресурс для «новых» институтов был узким, а главное, Шахин Гирей не обладал устойчивой автономной силовой опорой, способной принудительно провести реформы вопреки сопротивлению традиционных элит. В результате максималистская реформаторская программа зависела от внешнего покровительства и поддержки, что одновременно подрывало её легитимность и облегчало мобилизацию противников. Таким образом, реформы Шахин Гирея столкнулись с классическим разрывом между амбициями модернизации и дефицитом финансовых, кадровых и силовых ресурсов, без которых институционализация преобразований становилась крайне уязвимой.

Вторая волна реформы

В этом смысле более корректно сопоставлять Жангира не столько с императором Мэйдзи, сколько с Алиханом Букейхановым, который также пытался модернизировать общество, нахо-

дившееся под колониальным давлением и переходившее от кочевого к оседлому образу жизни. Если Шахин-Гирей и Жангир-хан условно воплощают «первую волну» имперской модернизации, инициированной сверху в рамках ханской власти, то фигуры Исмаила Гаспринского и Али-хана Букейханова можно интерпретировать как «вторую волну» модернистов, действовавших уже в координатах имперской политической системы и опиравшихся на печать, партийную организацию и сетевые формы национальной мобилизации. В рамках настоящего исследования Исмаил Гаспринский рассматривается как своего рода «второй Шахин-Гирей» – не в династическом, а в идейном смысле, как наследник реформаторской линии, пытавшийся совместить лояльность империи с программой обновления мусульманского общества. Тем самым линия обновления в Крыму проявляется не только как попытка административно-военной централизации XVIII века, но и как переход к «мягкой» модернизации через образование и публичную сферу в конце XIX – начале XX века.

Казахская интеллигенция периода Октябрьской революции была сравнительно более сплочённой, хотя и внутри неё существовали маргинальные оппоненты, например руководители партии «Үш-Жүз». При царизме казахи имели низкий правовой статус «иностранцев» и меньший опыт участия в имперской политике, чем татары. Татары, используя более длительный опыт вовлечённости в имперские институты, добились культурной автономии и умели артикулировать свои интересы на международной арене, однако их репутация «панисламистов» вызвала настороженное и зачастую негативное отношение со стороны белогвардейцев. Казахские деятели, несмотря на пренебрежительное отношение и стереотипы в их адрес, проявляли большую гибкость и способность к переговорным стратегиям как с Советской властью, так и с белыми (Uyama, 2018: 270-271), что отличает их модель политического поведения от крымско-татарской и задаёт иной контекст для «второй волны» модернистов степи.

В османо-турецком кейсе модернизационная линия оформляется как последовательность государственных и интеллектуальных проектов. В XIX веке её ядром стали реформы Танзимата и последующие преобразования, направленные на централизацию управления, унификацию права, перестройку фиска и армии и модернизацию об-

разования. В конце XIX – начале XX века модернизационная повестка усиливается через конституционные проекты и политическую мобилизацию младоосманов и младотурок, а после 1923 года получает радикальную институциональную фиксацию в реформаторской программе кемалистской республики. В сравнительной перспективе это показывает, что там, где модернизация опиралась на устойчивую государственную инфраструктуру и долгую последовательность институтов, она имела больше шансов закрепиться, тогда как в Крыму и степных автономиях реформаторские импульсы чаще переносились в культурно-образовательную сферу, как у Гаспринского, из-за ограничений суверенитета и ресурсов.

Заключение

В заключение проведённое исследование позволяет интерпретировать реформаторскую деятельность Шахин-Гирея и Жангир-хана не как «несостоявшуюся копию» восточноазиатских модернизаций, а как специфический вариант колониальной модернизации степных обществ. В отличие от Японии эпохи Мэйдзи, где реформы опирались на сохранявшийся политический суверенитет и относительно консолидированную элиту, Крымское ханство и Букеевская Орда действовали в условиях жёстких имперских ограничений, асимметричного суверенитета и структурной зависимости от османского и российского центров. Это предопределяло фрагментарный характер модернизационных инициатив, ориентированных не на создание самостоятельного национального государства, а на выживание и адаптацию в рамках имперского порядка. При этом реформы не сводились к простому «проводничеству» колониальной политики, а отражали попытку степных правителей встроить свои общества в новую политико-экономическую конфигурацию, сохраняя элементы прежней легитимности. Сравнение с восточноазиатскими кейсами показывает, что ключевым ресурсом «успешной» модернизации выступала не только интенсивность реформ, но и наличие институциональной и символической базы, позволявшей сочетать мобилизацию элит, национальный дискурс и внешнеполитический манёвр. В Крымском ханстве отсутствие харизматического военного лидера масштаба Сайго Такамори или Исатая

Тайманулы, а также конфессионально нагруженный характер реформ Шахин-Гирея делали протест менее централизованным, но более уязвимым к кризису легитимности. В Букеевской Орде, напротив, фигура Жангир-хана стала одновременно носителем модернизационного проекта и мишенью для накапливавшегося социального и этнополитического недовольства, что проявилось в восстании Исатая и Махамбета. В обоих случаях реформы, проводимые «сверху» в колониальном контексте, неизбежно сталкивались с ограниченностью ресурсной базы, сопротивлением традиционных элит и недоверием значительной части населения.

Реформы Жангира и Шахин-Гирея в определенной мере функционировали, но общество осознало их значение слишком поздно, закрепив за правителями субъективный образ «предателей». Лишь позднее казахи и крымские татары получили возможность критически переосмыслить собственные оценки и ошибки в отношении этих фигур.

Сопоставление «первой волны» ханской модернизации с «второй волной» интеллектуальных модернистов начала XX в. (Исмаил Гаспринский, Алихан Букейханов и др.) демонстрирует преемственность, но не тождество этих проектов. Если Шахин-Гирей и Жангир-хан действовали в логике династического реформаторства, сочетая традиционную легитимность с заимствованием имперских институтов, то позднейшие деятели опирались уже на инструменты печати, партийной политики и национальной мобилизации, переосмысляя саму модель суверенитета и место мусульманских обществ в имперском пространстве. В этом контексте степные модернизационные эксперименты XVIII–XIX вв. предстают не как «исторический тупик», а как важное звено долгой траектории политического и интеллектуального поиска, соединяющей ханские реформы с проектами национального самоуправления начала XX в. и требующей дальнейшего изучения в рамках широких евразийских сравнительных исследований.

Таблица 1

Параметр	Букеевская Орда Жангир хан	Крымское ханство Шахин Гирей	Япония Мэйдзи	Китай поздняя Цин	Корея конец XIX 1910
Условия модернизации	Ограниченный суверенитет в имперской среде	Кризис автономии и сильное внешнее давление	Сохранение независимости и расширение суверенного маневра	Сильное внешнее давление и внутренний кризис институтов	Сильное внешнее давление и быстрое сокращение автономии
Масштаб реформ	Преимущественно локальный и административный	Централизованный и программный, но ограниченный	Общегосударственный и долгосрочный	Общегосударственный но политически уязвимый	Общегосударственный по замыслу, но слабо закрепляемый
Ресурсная база	Слабая экономика и дефицит кадров	Ограниченная фискальная база и кадровый дефицит	Более высокая способность мобилизации ресурсов	Существенные ресурсы, но неравномерная управляемость	Ограниченные ресурсы в сравнении с внешними акторами
Силовая опора реформ	Нет автономной армии опора на внешнюю инфраструктуру принуждения	Слабая монополия на принуждение дефицит лояльной боеспособной опоры	Создание новой армии и централизация контроля	Исход зависит от контроля над армией и придворной коалиции	Военная опора ограничена и подвержена внешнему контролю
Источники сопротивления	Социально-ресурсный конфликт пастбища налоги контроль	Традиционные элиты и боеспособные группы антицентрализация	Самурайская оппозиция, но проигрыш центру	Консервативные элиты и силовые группы дворцовая борьба	Внутренняя фракционность и внешнее принуждение
Конфликтность реформ	Высокая из-за перераспределения ресурсов и легитимности	Высокая из-за раскола элит и зависимости от внешней опоры	Контролируемая после консолидации центра	Высокая 1898 срыв затем частичное продолжение	Высокая на фоне потери суверенитета

Продолжение таблицы

Параметр	Букеевская Орда Жангир хан	Крымское ханство Шахин Гирей	Япония Мэйдзи	Китай поздняя Цинь	Корея конец XIX 1910
Итог	Умеренные преобразования при высокой уязвимости	Реформы не закрепились и быстро подорваны сопротивлением	Устойчивая институционализация модернизации	Частичная модернизация при политическом срыве	Модернизация не предотвратила аннексию
Вывод	Слабая ресурсная и силовая база ограничивает реформы и усиливает сопротивление	Без консолидации элит и лояльной силы реформы нестабильны	Суверенный маневр и контроль над армией повышают устойчивость реформ	Коалиция элит и силовой баланс определяют исход реформ	Внешнее давление решающим образом ограничивает результаты

Благодарность

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования

Республики Казахстан в рамках программно-целевого финансирования (BR28713777, «Новые источники по истории и географии Казахстана: анализ, перевод и ввод в научный оборот»).

References

- Akhiezer, G. (2023). The Crimean Khan Şahin Giray (1777–1783): The first modernizer of the Islamic world and his image in imperial and minority perspectives. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, 66(5–6), 656–676.
- Cleveland, W. L., & Bunton, M. (2013). *A history of the modern Middle East* (5th ed.). Boulder, CO: Westview Press. pp. 88–89.
- Cuno, K. M. (2019). Ismāʿīl Pasha. In K. Fleet, G. Krämer, D. Matringe, J. Nawas, & E. Rowson (Eds.), *Encyclopaedia of Islam, THREE*. Leiden: Brill. p. 3.
- Denis C. Twitchett, & John K. Fairbank (Eds.). (2002). *The Cambridge History of China* (Vol. 11). Cambridge: Cambridge University Press. p. 133. 784 p.
- Eckel, P. E. (1948). The Far East since 1500. New York: Harcourt, Brace and Company. pp. 278–280.
- Harris, L. J. (2018). The Return of the Empress Dowager Cixi, 1898. In *The Peking Gazette* (pp. 299–308). Leiden: Brill.
- Haym, A., & Motin, D. (2025). Best practices and elite belief: International competition and state modernization in Qing China and Meiji Japan. *Journal of East Asian Studies*, 25(1), 1–25.
- Ishmukhambetov, R. V. (2017). Fenomen prishlykh sluzhilykh grupp v Bukeevskoi Orde kazakhov (nachalo XIX – nachalo XX veka) [The phenomenon of incoming service groups in the Bukey Horde of the Kazakhs (early 19th – early 20th centuries)]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*, 3(52), 20–26.
- Ivanov, I.S. (2001) Dzhangir, khan Vnutrenney Kirgizskoy ordy [Zhangir, the Khan of the Internal Kirghiz Horde]. In: Kul'kenov, M. (ed.) *Bukeevskoy Orde 200 let. Izdanie iz 6 knig* [The Bukeev Horde is 200 years old. In 6 books]. Book 2. Almaty: Izdatel'stvo Olke.
- Kwong, L. S. K. (2000). Chinese Politics at the Crossroads: Reflections on the Hundred Days Reform of 1898. *Modern Asian Studies*, 34(3), 663–695.
- Langer, W. L. (1950). *European alliances and alignments, 1871–1890*. New York: Alfred A. Knopf. p. 355.
- Liao, C.-Y. (2006). A comparative analysis of the differences between Chinese and Japanese modernization in the mid-late nineteenth century, with particular regard to the idea of “rich nation and strong army” (Master's thesis). University of Canterbury.
- Nishida, H. (2012). Deck officers, in the cradle era. Archived 4 December 2012. Retrieved 14 July 2011.
- Oreshkova, S. F. (2008). Krymskoe hanstvo v 70-e gody XVIII veka [The Crimean Khanate in the 1770s]. *Voprosy istorii*, 7, 121–127.
- Ravina, M. (2004). The last samurai: The life and battles of Saigō Takamori. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.
- Ravina, M. (2004). *The Last Samurai: The Life and Battles of Saigō Takamori*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.
- Rogan, E. (2011). *The Arabs: A history*. London: Penguin Books. p. 101.
- Riazanov, A. F. (1991). Vosstanie Isataia Taimanova (1836–1838 gg.): ocherk po istorii natsional'nogo dvizheniia kazakhskogo naroda [The uprising of Isatay Taimanov (1836–1838): An essay on the history of the national movement of the Kazakh people]. Alma-Ata: Altyn-Orda.
- Sheikhumerov, A. A. (2018). Voennaia reforma poslednego krymskogo khana Shakhina Gireia (1777–1782 gody) [The military reform of the last Crimean khan Shakhin Giray (1777–1782)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya “Istoricheskie nauki”*, 2(18), 65–69. <https://doi.org/10.25513/2312-1300.2018.2.65-69>
- Sholakhov, M. (2025). Koreianyñ qysqa tarihy [A short history of Korea]. Aktope: “Akzhar–ABK” baspanahasy.

- Sinyugyl, A. M. (2001). Poslednii krymskii khan Shagin-Girei [The last Crimean khan Shagin-Girei]. Gasyrlar avazy – Ekho vekov, 3–4. Retrieved 15 November 2025 from <https://cyberleninka.ru/article/n/posledniy-krymskiy-han-shagin-girey>
- Solovev, S. M. (1851–1879). Istoriia Rossii s drevneishikh vremen [History of Russia from the earliest times] (29 vols.). St Petersburg: Tovariščestvo “Obshchestvennaia pol’za”.
- Tian, Y. (2025). A comparison of the Westernization Movement and the Meiji Restoration and their successes and failures. Arts, Culture and Language, 1(1), 25–36. <https://doi.org/10.61173/t3f6w648>
- Steppat, F. (1993). Mişr. In C. E. Bosworth, E. van Donzel, W. P. Heinrichs, & Ch. Pellat (Eds.), *The Encyclopaedia of Islam* (2nd ed., Vol. VII: *Mif-Naz*). Leiden: E. J. Brill. pp. 180–185. ISBN 978-90-04-09419-2.
- Uyama, T. (2018). Politicheskaia strategii Alash-Ordı vo vremia grazhdanskoi voyny: sravnenie s natsional’no-kul’turnoi avtonomiei tiurko-tatar [The political strategy of Alash-Orda during the Civil War: A comparison with the national-cultural autonomy of the Turko-Tatars]. Novosibirsk: Izdatel’stvo Sibirskogo otdeleniia RAN.
- Wei, L.-H., Yan, S., Yu, G., Huang, Y.-Z., Yao, D.-L., Li, S.-L., Jin, L., & Li, H. (2017). Genetic trail for the early migrations of Aisin Gioro, the imperial house of the Qing dynasty. *Journal of Human Genetics*, 62(3), 407–411.
- Wojciuk, A. (2021). Balancing is in the eye of the beholder: Explaining the critical case of China’s non-response to Western balancing (1840–1900). *Chinese Journal of International Politics*, 14(4), 530–560.
- Wright, M. C. (1958). Review of *The Last Stand of Chinese Conservatism: The T’ung-Chih Restoration, 1862–1874* (by Mary Clabaugh Wright). *American Political Science Review*, 52(1), 240.

Сведения об авторе:

Шолахов Мурат Гарифоллаевич – PhD-докторант Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, младший научный сотрудник Научного института Улуса Джучи (Астана, Казахстан, e-mail: muri777@mail.ru).

Information about author:

Murat G. Sholakhov – PhD student, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Junior Research Fellow, Jochi Ulus Research Institute (Astana, Kazakhstan, e-mail: muri777@mail.ru).

Автор туралы мәлімет:

Шолахов Мурат Ғарифоллаұлы – Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің PhD докторанты, Жошы ұлысы ғылыми институтының кіші ғылыми қызметкері (Астана, Қазақстан, e-mail: muri777@mail.ru).

Поступила 17 ноября 2025 года
Принята 19 мая 2026 года